

УДК 343.1

*Г.Х. Шаутаева***ЯВКА С ПОВИННОЙ КАК ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Анализируются теоретические и практические аспекты допустимости явки с повинной как обвинительного доказательства. Обращается внимание на законодательные пробелы в этой области. Автор поддерживает позицию о необходимости должного обеспечения права на защиту при получении явки с повинной, подразумевающего разъяснения права пользоваться услугами адвоката и права на молчание, предусмотренного статьей 51 Конституции Российской Федерации. Подчеркивается, что при наличии любых действий обвинительного характера, к которым относится и получение явки с повинной, должны применяться нормы уголовно-процессуального закона, обеспечивающие реализацию принципа обеспечения права на защиту, в том числе и статьи 49-53 УПК РФ. При получении явки с повинной речь должна идти не просто о разъяснении права на адвоката, а о получении от лица документального подтверждения об отказе от защитника либо о предоставлении ему услуг данного участника процесса, как об этом говорит закон. Отмечается несоответствие позиции судов и Конституционного Суда Российской Федерации, а также Европейского суда по правам человека в данном вопросе. Позитивно оценивается новое разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29.11.2016 г. Обосновывается необходимость расширительного толкования пункта 1 части 2 статьи 75 УПК РФ, в рамках которого к показаниям подозреваемого, обвиняемого, данным в ходе досудебного производства по уголовному делу, следует относить не только сведения, сообщенные им на допросе, но и иные случаи сообщения им о факте своей причастности к преступлению, в том числе и при отобрании явки с повинной. Предлагаются конкретные рекомендации правоприменителям.

Ключевые слова: явка с повинной, обвинительное доказательство, уголовно-процессуальная политика, средства раскрытия преступления, смягчающие обстоятельства, поводы к возбуждению уголовного дела, доказательство вины, подозреваемый, обвиняемый, назначение наказания, состязательный процесс.

Как известно, явка с повинной имеет как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное значение. Что касается последнего, то, помимо того, что явка выступает одним из поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 142 УПК РФ), другим ее, и гораздо более значимым процессуальным проявлением, выступает использование явки с повинной в качестве обвинительного доказательства. Безусловно, теоретически никаких преград для того, чтобы расценивать явку с повинной как полноценное доказательство, не существует. Действующая регламентация такого вида доказательства, как иные документы (ст. 84 УПК РФ), отсутствие четких правил допустимости позволяют, по сути, ввести в уголовный процесс почти любые сведения при условии, чтобы был известен первоисточник, а сама информация была собрана и (или) оформлена процессуальным действием в порядке УПК РФ. Удобство явки с повинной как обвинительного доказательства по сравнению с иными формами закрепления признательных показаний обуславливается тем, что, во-первых, она фактически минимально регламентирована на нормативном уровне, во-вторых, позволяет оформить признание вины еще до возбуждения уголовного дела, когда это сделать гораздо легче, в-третьих, потому, что судебная практика позволяет использовать явку как средство нейтрализации показаний подсудимого (при изменении или отказе от показаний, данных на предварительном расследовании).

В качестве иллюстрации сошлемся на практику Верховного Суда РФ. В настоящий момент позиция высшей судебной инстанции основывается на том, что «если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами учтено судом в качестве доказательства, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо впоследствии изменило свои показания» [1].

В одной из своих прошлых работ мы уже констатировали, что «следует признать как устойчивую тенденцию в судебной практике на оценку явки с повинной как равноценного доказательства по сравнению с показаниями, данными лицом в суде» [2]. Ряд специалистов, преимущественно со стороны адвокатского сообщества, крайне критически оценивают достоверность показаний, полученных в результате явки с повинной. Так, по мнению А.В. Иванова, «существующий институт явки с повинной способствует раскрытию преступлений при помощи пыток и иных видов жестокого обращения, приводит к многочисленным злоупотреблениям, связанным с расследованием преступлений, неза-

конным ограничениям свободы, осуждению невиновных...» [3. С. 48]. Как отмечает А.С. Сидоров, «сотрудники правоохранительных органов “успешно” применяют другой вид “завуалированного сотрудничества” – склонение подозреваемых и обвиняемых к так называемой явке с повинной» [4].

Будучи категорически не согласными в столь огульной критике всех сотрудников правоохранительных органов, все же отметим, что опасения вышеуказанных правоведов не лишены оснований. В подтверждение приведем следующий пример.

Из практики. Согласно Апелляционному определению Приморского краевого суда (Приморский край) № 22-3972/2016 от 1 июля 2016 г. [5] по делу № 22-3972/2016, С., Л. и П. осуждены за совершение краж и других преступлений. В поданных апелляционных жалобах осужденные и их защитники с приговором не согласились. Среди аргументов о непричастности к преступлению П. указывалось, что суд необоснованно признал явку с повинной допустимым доказательством, тогда как в суде он не признал явки с повинной, поскольку писал под диктовку в ночное время (стр. 5 приговора).

По итогам рассмотрения жалобы суд апелляционной инстанции отверг доводы осужденного П. о недопустимости протоколов его явок с повинной, отметив, что его доводы несостоятельны и опровергаются исследованными в суде доказательствами. В обоснование своей позиции суд привел следующие аргументы:

1) на момент написания явки с повинной П. не являлся ни подозреваемым, ни обвиняемым, в отношении него не осуществлялось иных процессуальных мер, затрагивающих права и свободы;

2) обстоятельства совершенных преступлений изложены П. в протоколах явок с повинной в соответствии с его собственным субъективным восприятием содеянного. При этом, как правильно указано судом, отраженные в них события происшедшего согласуются с иными доказательствами, при отсутствии у органа предварительного расследования доказательств, достоверно подтверждающих причастность П. к инкриминируемым в дальнейшем общественно опасным деяниям;

3) указание в апелляционной жалобе осужденного П. на то, что явка с повинной написана под диктовку, опровергаются показаниями свидетеля ФИО15, подтвердившего в судебном заседании добровольность дачи П. явок, при этом указавшего, что никакого давления на последнего не оказывалось;

4) оформление протокола явки с повинной в ночное время, на что также указано П., не является нарушением норм уголовно-процессуального закона, поскольку ст. 141-142 УПК РФ не содержат требования о возможности совершения данного процессуального действия только в дневное время;

5) не подтверждение П. при допросе его в качестве подозреваемого сведений, изложенных в явке, не умаляют юридического значения протоколов явок с повинной и правильности их оценки судом как доказательств виновности осужденного П., поскольку позиция подозреваемого относительно возникшего в отношении него подозрения является реализацией его права на защиту и может изменяться по усмотрению подозреваемого.

В приведенном выше примере примечательно то, что, во-первых, суд поставил достоверность признания, полученного в результате явки с повинной, выше достоверности показаний, данных на допросе. Но что еще удивительнее, свою позицию суд аргументировал отсутствием у явки с повинной тех гарантий, которые, по идее, и должны придавать надежность признательным показаниям, данным на допросе, при этом, как мы указали выше, фактически поставив между ними знак равенства.

Вызывает также недоумение мнение суда относительно того, что взятие явки с повинной не может относиться к мерам, затрагивающим права и свободы, то есть к обвинительной деятельности. Что как не взятие явки, принимаемой судами как полноценное признание вины, относится к деятельности по доказыванию вины?!

На наш взгляд, ключевой вопрос использования явки с повинной как обвинительного доказательства заключается в том, что в законе отсутствуют какие-либо требования к получению явки, кроме как добровольности. Фактически, процедура получения явки с повинной полностью отдана на «откуп» сотрудникам правоохранительных органов, что потенциально создает условия для злоупотреблений. Законом предусмотрена основная процессуальная форма закрепления признательных показаний – допрос подозреваемого/обвиняемого, но никак не явка с повинной, которая изначально предназначалась быть только поводом к дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности. Это заставляет вспомнить опасения В.А. Лазаревой о том, что «в противном случае предусмотренные статьей 75 УПК РФ гарантии обесмысливаются. Допрос обвиняемого становится не нужным, поскольку он легко может быть заменен признанием, полученным вне законной процедуры, что и демонстрируют приведенные судебные приговоры».

Безусловно, суд может и должен оценивать явку с повинной в совокупности с другими доказательствами, принимая решение на основе своего внутреннего убеждения. Суд не связан позицией обвиняемого. Но законодатель не зря связывает получение признательных показаний с рядом процессуальных гарантий, которые отсутствуют в случае явки с повинной. А иначе обвинение получает в свои руки удачную альтернативу допроса с его не слишком удобными процедурами и временными рамками. Если верить А.В. Иванову, «в силу сложившейся практики даже признание протокола явки с повинной недопустимым доказательством не является основанием для постановления оправдательного приговора. В практике Верховного Суда РФ не удалось обнаружить ни одного оправдательного приговора после признания протокола явки с повинной недопустимым доказательством» [3. С. 45]. Все это не может не внушать опасений.

Анализ нормативных основ института явки с повинной позволяет нам отнести к доказательственным «порокам» следующее:

- а) нарушение права на защиту;
- б) отсутствие указания на обязательное разъяснение лицу прав, предусмотренных ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе права «на молчание», предусмотренного ст. 51 Конституцией РФ;
- в) возможность принятия явки с повинной любым сотрудником правоохранительных органов, а не только следователем или дознавателем.

Учитывая отсутствие вышеуказанных гарантий, крайне сомнительной выглядит практика допроса в суде сотрудников правоохранительных органов, отбравших явку в качестве единственного средства нейтрализации сомнений, высказываемых защитой относительно законности данного процессуального действия. Эти сотрудники, зачастую единственные, кто присутствует при этом, в силу чего судом при оценке их показаний должен учитывать их заинтересованность в исходе дела. В связи с этим на повестку дня выступает вопрос относительно обеспечения права на защиту при взятии явки с повинной.

Злободневность этой проблематики обуславливается тем, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве ничего не говорится об обеспечении права на защиту при отображении явки с повинной. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что участие адвоката как защитника при отображении явки с повинной в принципе не предусматривается. До недавнего времени теория и практика исходили именно из такого постулата, и на это имелись законные основания. Однако после дополнения в 2013 г. текста ст. 144 УПК РФ нормой, предусмотренной ч. 1.1, данный вывод не выглядит столь однозначным.

Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Среди прав, предоставленных законодателем лицу, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, особо выделяется право пользоваться услугами адвоката.

Кроме того, в 2015 г. Верховный Суд РФ уточнил этот момент, указав, что «правом на защиту теперь обладает не только подозреваемый, обвиняемый и иные лица, которые привлекаются к ответственности, но и также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица» [6].

К сожалению, ни действующее законодательство, ни разъяснение высшей судебной инстанции так и не прояснили до конца вопрос, что же именно понимать под мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности. В результате сложившаяся неопределенность правового регулирования приводит к противоречивой, если не сказать, произвольной судебной практике.

Из практики. В соответствии с Апелляционным определением [7] Новосибирского областного суда № 22-5541/2016 от 26 августа 2016 г. по делу № 22-5541/2016 при установленных приговором суда обстоятельствах ФИО1 осуждён за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью ФИО8, опасного для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия, совершённое 24.10.2015г. в г. Искитиме, Новосибирской области.

В апелляционной жалобе и дополнении к ней осуждённый ФИО1 ставит вопрос об отмене приговора, указывая на то, что данного преступления он не совершал. Явка с повинной от него была получена с нарушением уголовно-процессуального закона и его права на защиту.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, апелляционный суд отверг доводы защиты о недопустимости использования в качестве доказательства явки с повинной по причине нарушения права на защиту, указав, что суд 1-й инстанции обоснованно принял в качестве допустимых доказательств явку с повинной ФИО1. При этом оснований признавать указанный протокол недопустимым доказательством у суда не имелось. Как видно из протокола явки с повинной, ФИО1 изложил события лично и добровольно. Данных о нахождении лица, явившегося с повинной, в состоянии алкогольного опьянения, не позволяющем ему сделать указанное заявление, протокол не содержит. Присутствие адвоката при явке с повинной уголовно-процессуальным законом не предусмотрено. Сведений об оказании какого-либо давления на ФИО1 при написании явки с повинной в материалах дела не имеется.

В данном решении суд отказался считать отсутствие адвоката в качестве существенного нарушения закона, влекущего признание доказательства недопустимым. В то же время позиция некоторых судов отличается от вышеуказанной в противоположную сторону.

Из практики. Согласно Апелляционному определению Верховного суда республики Тыва № 22-101/2016 от 10 февраля 2016 г. по делу № 22-101/2016 [8], К. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 8 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. В апелляционной жалобе и дополнении к ней осужденный К. просит отменить приговор в связи с неправильным применением уголовного, уголовно-процессуального законов и чрезмерной суровостью назначенного наказания. Среди прочего он указывает, что суд принял явку с повинной как одно из доказательств его виновности, но по постановлению о возбуждении уголовного дела К. уже имел статус подозреваемого и при явке с повинной должен был пользоваться услугами защитника. Судом необоснованно отвергнут довод защиты об исключении из числа доказательств явки с повинной в связи с неразъяснением ему прав.

По итогам рассмотрения жалобы суд апелляционной инстанции признал явку с повинной К. недопустимым доказательством, отметив, что, как следует из материалов дела, в явке с повинной, полученной в ходе проверки сообщения о преступлении, К. сообщил о причастности к совершению преступления, однако отобрана она у него была в отсутствие защитника.

Поскольку следователю, проводившему предварительное расследование, на момент написания К. явки с повинной было известно о возможной его причастности к совершению преступления, уголовное дело было уже возбуждено, то в силу вышеуказанных требований уголовно-процессуального закона К. имел право не свидетельствовать против себя, пользоваться помощью адвоката с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы, в том числе при получении от него явки с повинной. При таких обстоятельствах протокол явки с повинной подлежит исключению из числа доказательств как недопустимое доказательство.

В подтверждение нашей оценки приведем другой пример.

Из практики. Как указано в Апелляционном определении Владимирского областного суда № 22-2209/2016 от 29 сентября 2016 г. по делу № 22-2209/2016 [9], Б.С. И., признаны виновными в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере. В поданной апелляционной жалобе один из адвокатов осужденных, помимо прочего, указал, что в нарушение п. 2 ч. 5 ст. 49 УПК РФ при написании явок с повинной адвокат не присутствовал. Проверив доводы защиты, апелляционная инстанция нашла выводы суда по правовой оценке действий Б., С. и Р. убедительными, назначенное им наказание справедливым. В обоснование своих выводов относительно законности получения явки с повинной суд сослался на ст. 142 УПК, отметив, что данная норма не содержит положений, на основе которых ограничивались бы свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, лица, делающего заявление о явке с повинной, а потому не предполагает присутствия при этом адвоката, однако и не исключает право лица сделать такое сообщение в присутствии адвоката. Основываясь на вышеизложенном, оснований считать, что явка с повинной получена с нарушением требований закона, о чем указывает адвокат, не имеется.

Нельзя не удивиться витиеватости аргументации суда. При этом основной посыл вновь сводится к тому, что явка не рассматривается как обвинительная деятельность, что крайне неверно. В итоге получается, что явка с повинной – прямое обвинительное доказательство. Сама правовая природа явки с повинной предполагает потенциальную (после проверки сведений, изложенных в явке) деятельность по привлечению ее субъекта к уголовной ответственности. Недавно этот наш вывод получил подтверждение со стороны высшей судебной инстанции. В соответствии с Постановлением Пленума

Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» (п. 10), в тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав.

Таким образом, исходя из позиции высшей судебной инстанции, суды должны считать отсутствие разъяснения прав, предусмотренных УПК РФ, в том числе и права на адвоката, как существенное нарушение закона, влекущее за собой признание явки с повинной недопустимым доказательством. Тем не менее очевидно, что это правило должно обрести нормативное воплощение, а не остаться на уровне разъяснения Верховного Суда РФ. Положение усугубляется тем, что не так давно сам Верховный Суд также указывал, что «оформление явок осужденных с повинной без адвокатов нельзя признать нарушением их права на защиту и это обстоятельство не может служить основанием для отмены приговора» [10]. И это при том, что такая позиция обозначалась уже после появления ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29.

Наша аргументация, помимо вышеуказанного, основывается на позиции Конституционного Суда РФ, который еще в 2000 г. установил [11], что не соответствует Конституции РФ ограничение права каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием. Действующая редакция ст. 144 УПК РФ согласуется с вышеобозначенной позицией Конституционного Суда, но носит непоследовательный, противоречивый характер, так как остается неясным, что это за процессуальные действия и в каком статусе находится лицо, в отношении которого действия и принимаемые решения затрагивают его интересы. В итоге эта неясность приводит к произвольному толкованию со стороны некоторых представителей судебной власти, когда, как мы уже отмечали, суды отказываются воспринимать явку с повинной как обвинительную деятельность.

По нашему мнению, пересмотру должна быть подвергнута вся действующая концепция института права на защиту, начиная с принципа обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ) как несоответствующая конституционно-правовому толкованию в той части, которая не позволяет распространить действие этого принципа на лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование без придания ему статуса подозреваемого (обвиняемого). До этих пор п.1 ч.2 ст. 75 УПК РФ должен быть подвергнут расширительному толкованию, в рамках которого к показаниям подозреваемого, обвиняемого, данным в ходе досудебного производства по уголовному делу, следует относить не только сведения, сообщенные им на допросе в порядке ст.187-190 УПК РФ, но и иные случаи сообщения им о факте своей причастности к преступлению, в том числе и при отобрании явки с повинной.

Но поскольку законодатель до сих пор не считает необходимым прояснить проблемные вопросы, связанные с обвинительной деятельностью на стадии возбуждения уголовного дела, важно ориентировать практику на позиции, изложенные в Постановлениях Пленума Верховного Суда от 15.06.2013 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» и Постановлении Конституционного суда РФ от 27.06.2000 г. по так называемому делу Маслова, из которых следует, что явка с повинной как доказательство может быть допущена только при соблюдении права на защиту.

Соответственно, предполагается, что при наличии любых действий обвинительного характера, к которым относится и получение явки с повинной, должны применяться нормы уголовно-процессуального закона, обеспечивающие реализацию принципа обеспечения права на защиту, в том числе и ст. 49-53 УПК РФ. А это значит, что при получении явки с повинной речь должна идти не просто о разъяснении права на адвоката, но о получении от лица документального подтверждения отказа от защитника (п. 1.ч. 151 УПК РФ) либо о предоставлении ему услуг данного участника процесса, как об этом говорит закон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015). (Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/.
2. Шаутаева Г.Х., Шаутаева Р.Х. Проблемные вопросы доказательственной оценки явки с повинной // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2015. Т. 25, вып. 6. С. 192-195.
3. Иванов А.В. Явка с повинной как механизм уголовной юстиции // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 42-48.
4. Сидоров А.С. О явке с повинной и обеспечении права на защиту в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2015. № 4. С. 17.
5. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0UDIx3zzWgoR/>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
7. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/olt7E3wiQxmX//>
8. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZZMtRfTTZzol/>
9. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SM46WJYVQAHg/>
10. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 5 декабря 2013 г. № 19-АПУ13-30. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=374277#0>
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию 22.04.2018

Шаутаева Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России
603000, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
E-mail: shautaeva@list.ru

G.Kh. Shautaeva**VOLUNTARY SURRENDER AS AN ACCUSATORY EVIDENCE:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

The theoretical and practical aspects of the admissibility of voluntary surrender as an accusatory evidence are analyzed. Attention is drawn to legislative gaps in this area. The author supports the view that there is a need to ensure the right to defense in case of confession, which implies an explanation of the right to use the services of a lawyer and the right to silence provided for in Article 51 of the Constitution of the Russian Federation. It is emphasized that in the presence of any actions of an accusatory nature, which includes the receipt of a confession, the norms of the criminal procedure law that ensure the implementation of the principle of securing the right to defense, including articles 49-53 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, should be applied. When you receive acknowledgement of guilt, you should speak not only about clarifying the right to an attorney, but about obtaining a documentary confirmation from the person on the refusal from the defense attorney or providing him with the services of this participant in the process, as the law says. There is a discrepancy between the position of the courts and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the European Court of Human Rights in this matter. The new explanation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the Resolution of 29.11.2016 is positively evaluated. It argues for the need for an extensive interpretation of article 75, paragraph 1, part 1, of the CCP RF, within which the statements of the suspect, the accused, given during the pre-trial proceedings in the criminal case, should be attributed not only to the information given by him during the interrogation, but also to other cases of reporting his involvement in the crime, including when receiving acknowledgement of guilt. Based on the results of the article, specific recommendations are offered to law enforcers.

Keywords: voluntary surrender, accusatory evidence, criminal procedural policy, arsenals of crime detection, extenuating circumstances, grounds for initiating a criminal case, evidence of guilt, suspect, accused, punishment, adversarial process.

Received 22.04.2018

Shautaeva G.Kh., Candidate of Law, Associate Professor
Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia
3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod, 603000
E-mail: shautaeva@list.ru